

DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-2-62-72

УДК 930(01)
ББК 63

Ф.Н. АХМАДИЕВ, И.В. ВОСТРИКОВ, Г.Р. ШАРАФУТДИНОВ

**МУХАММЕД КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ
В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НАЧАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
(на примере «Очерков...» М.Н. Петрова)**

Ключевые слова: история, историография, очерк, ислам, пророк, Мухаммед, европейская ориенталистика, Карлейль, герой, политика, халиф.

Цель. Рассмотреть опыт первого в российской науке всеобщей истории обращения к теме формирования исламского мира в Аравии в начале VII в.

В статье предложены результаты исследования классической для исторической науки проблемы – роли личности в истории. В нашем случае в качестве такого персонажа выступает пророк Мухаммед в контексте «пророка – героя», каким он рассматривается некоторыми европейскими историками в середине XIX в. (Т. Карлейль, В. Ирвинг). В противоположность этому в европейской ориенталистике формируется и другое мнение об исторической роли пророка Мухаммеда. Суть его заключается в полном отрицании признания за этим персонажем какой-либо значимой роли во всемирной истории. В лучшем случае за ним признают заслугу создания арабского государства, построенного на новых исламских основах (А. Шпренгер). Целью нашего исследования является определить меру научной самостоятельности оценки отечественным исследователем М.Н. Петровым, данной им пророку Мухаммеду. Эта оценка сделана автором в книге «Очерки из всеобщей истории», изданной в 1868 г., т.е. гораздо позднее упоминаемых исследованных европейских авторов. Для нас очевидно, что М.Н. Петрову, опиравшемуся, естественно, на европейскую ориенталистику, удалось сделать ряд совершенно самостоятельных умозаключений, главное, впервые включить персонаж Мухаммеда в ряд исторических персоналий в российской науке всеобщей истории. Это, пожалуй, очевидный результат нашего исследования.

Материалы и методы. Особенностью темы истории ислама для российской науки всеобщей истории в начале второй половины XIX в. является практически полное отсутствие отечественных наработок. Этим объясняется активное изучение российскими авторами опыта европейской ориенталистики первой половины – середины XIX в., имевшей уже ряд первоклассных работ. Соответственно в статье в качестве «привлеченного» материала активно используются работы Бокля, Шпренгера, Карлейля и др. Методами исследования являются описательный, сравнительно-историографический и биографический.

В содержании своего «Очерка...» М.Н. Петров обращается к опыту европейской ориенталистики, главным образом – труду немецкого историка Шпренгера «Жизнь и учение Мухаммеда». Но в «Очерке...» упоминаются и работы других европейских историков: Ренана, Сент-Иллера, Вейля и других. В то же время «Очерк...» М.Н. Петрова вовсе не историографический обзор европейской ориенталистики по теме истории ислама.

Научная новизна. Первый пример обращения к началу исламоведения в российской исторической науке с привлечением обширного историографического материала. Это самостоятельная исследовательская работа, которая во многом дополняет и уточняет мнение европейских историков. Путем «синтеза методов истории, психологии и естествознания» отечественный историк приводит своего читателя к пониманию решающей роли природно-климатических условий Аравии в формировании особого внутреннего мира арабов, главной чертой которого является природная склонность к монотеизму и фатализму.

Результаты исследования. Результаты исследования заключаются, на наш взгляд, в том, что «Очерк...» М.Н. Петрова, являясь одним из первых исследований биографического жанра в российской медиевистике начала второй половины XIX в., положил начало весьма популярному впоследствии методу, в основе которого

лежит изучение «биографической» темы в российской науке истории. Это создает возможность выстраивать более полную картину истории отечественной историографии за счет вовлечения в её оборот «забытых» и «полузабытых» сочинений российских исследователей XIX в.

В центре нашего внимания оказался один из исторических «Очерков» профессора Харьковского университета Михаила Назаровича Петрова (1826–1887 гг.). В нем он рассказывает о начале становления исламского мира в Аравии, формировании исламской общины, превращении Мухаммеда, «обычного курейшитского купца», в пророка новой веры. Автор подчеркивает, что веками эта фигура рассматривалась как некое «сверхъестественное существо» и только с середины XIX в. усилиями европейской ориенталистики Мухаммед превращается в реальное историческое лицо. Обращаясь к истории раннего ислама и биографии пророка харьковский историк, по сути, становится первооткрывателем этой темы для российского читателя.

Российскому историку М.Н. Петрову удалось сделать в своем биографическом «Очерке...» о личности Мухаммеда ряд самостоятельных обобщений и «включить» персонаж пророка Мухаммеда и историю ислама в исследовательское поле российской науки всеобщей истории.

Выводы. Особый интерес представляет попытка автора трактовать, как удалось «обычному курейшитскому купцу» пройти путь от обычного человека до признанного всеми арабами пророка. В этом случае автор касается актуальной для европейской исторической науки середины XIX в. темы «героя» и «героического в истории», поставленной английским историком Карлейлем, который относил Мухаммеда к «пророкам-героям». Петров, вслед за Шпренгером, не соглашается с этим мнением и последовательно проводит идею превращения Мухаммеда из пророка в пору утверждения ислама в политика и правителя, утратившего «пророческую искренность» и ставшего «кроважидным деспотом» и «властолюбцем», т.е. идею эволюции Мухаммеда в «антигероя».

В прошлом календарном году исполнилось 1390 лет со дня смерти Мухаммеда, еще при жизни признанного современниками пророком, человека, положившего начало такому грандиозному по масштабу явлению, которое мы сегодня называем «исламским миром».

Цель нашего исследования рассмотреть опыт первого в российской историографии всеобщей истории обращения к истории «раннего» ислама, личности пророка Мухаммеда и формирования мусульманского мира в Аравии в VII в.

Естественно о жизни этого человека создано огромное количество самой разнообразной литературы, наверно, на всех языках мира. Мы же хотим обратиться к такому сюжету в историописании о нем, когда он становится одной из главных фигур в европейской ориенталистике середины – второй половины XIX в., поскольку в европейской науке возникает необходимость осмыслить по-новому жизнь и деятельность Мухаммеда как деятеля, создавшего в первой трети седьмого века совершенно новый мир – ислам, который усилиями одного человека, ставшего его пророком, превратился со временем в угрозу всему христианскому миру, и, по эмоциональному возгласу отечественного исследователя, «девять веков спустя после Мухаммеда, их (мусульман. – *Авт.*) бранный клич – нет бога кроме Аллаха! – раздастся у ворот самой Вены» [6. С. 206].

Материалы и методы. Особенностью темы истории ислама для российской науки всеобщей истории в начале второй половины XIX в. является практически полное отсутствие отечественных работ. Этим объясняется активное изучение российскими авторами опыта европейской ориенталистики первой половины – середины XIX в., имевшей уже ряд первоклассных работ. Соответственно в статье в качестве «привлеченного» материала активно используются работы Бокля, Шпренгера, Карлейля и др. Методами исследования являются описательный, сравнительно-историографический и биографический.

Томас Карлейль, английский историк, публицист и философ, создатель оригинального «биографического метода», в одной из своих работ «Герои, почитание героев и героическое в истории», опубликованной впервые в 1841 г. [4], выдвинул точку зрения, согласно которой, историю можно рассматривать в контексте деятельности «великих людей», которых он определял как «героев». Они и являются, по его мнению, творцами истории. Именно «герой» является «лицом» и выразителем исторического периода, а не масса его современников. Он пишет: «В истории всякой великой эпохи самый важный факт представляет то, каким образом люди относятся к появлению среди них великого человека» [4. С. 18]. По мнению историка, по степени «героизма» в конкретное историческое время, т.е. по числу выявленных «героев», можно сделать верный вывод о мировоззрении людей этого времени. «Герой» является для того, «чтобы сделать истину более понятной для нас» [4. С. 18]. Изучая, таким образом, «героическое» прошлое, мы открываем для себя общечеловеческое прошлое. Особо интересными являются размышления историка о «герое-пророке». По его мнению, «герой-пророк», раскрывает «божественную тайну», «которой проникнуто всё, все существа» [4. С. 53]. «Герой-пророк» охватывает эту тайну с «моральной» точки зрения и объясняет людям «то, что мы должны делать» [4. С. 52]. Но помимо «героя-пророка», по мысли Карлейля, в истории были еще и «герои-поэты». Их задача объяснять по людям, то, что они «должны любить» [4. С. 49].

Главной темой в отношениях людей и «героев» является почитание первыми вторых. И именно это почитание является выражением меры духовности людей. К тому же чувство почитания, которое, по мнению Карлейля, носит религиозный характер, является той силой, которая обеспечивает существование общества. На почитании основываются все экономические, политические, социальные и духовные ценности общества. «Человеческое единение», – пишет Карлейль, – представляет собой то, что мы могли бы назвать правлением героев или иерархией, так как эта иерархия включает в себе также и «святого» [4. С. 48]. Все религии, по Карлейлю, – держатся на почитании «героев» [4. С. 18]. «В груди человека нет чувства более благородного, чем это удивление перед тем, кто выше его» [4. С. 18]. Следуя данной логике, благополучие любой эпохи зависит от того, найдут ли современники «героя», т.е. великого человека, проникнутого божественной идеей, которую он несет людям. И естественно, что одним из главных «героев-пророков» книги Карлейля стал пророк Мухаммед [4].

Научная новизна. «Очерк...» М.Н. Петрова – первый пример обращения к началу исламоведения в российской исторической науке с привлечением обширного историографического материала.

Мы не намерены подробно останавливаться именно на мнении Карлейля, поскольку, на наш взгляд, гораздо интереснее проследить реакцию на «героическую» конструкцию Карлейля в других европейских историографиях и, прежде всего, в отечественной историографии второй половины XIX в. В этом смысле интерес представляют «Очерки из всеобщей истории» профессора Харьковского Императорского университета Михаила Назаровича Петрова, выдержавшие четыре издания: в 1868, 1882, 1896 и 1904 г. Первые два издания – прижизненные, следующие два – появились в свет уже после кончины их автора. Один из десяти «Очерков...» посвящен личности пророка Мухаммеда [6]. Сохранились в его архиве и лекционные записи, которые, по замыслу автора, легли в основу его «Очерков...», в том числе и лекция о Мухаммеде,

в которой Петров ставил задачей «с помощью синтеза методов истории, психологии и естествознания» [5] показать эту личность в полной мере.

Отметим, что много позже после смерти М.Н. Петрова (1887 г.), в 1906 г., профессором Харьковского университета А.С. Вязигиным были опубликованы в 2 частях «Лекции по всемирной истории» М.Н. Петрова [7], в которых в том числе содержится сюжет о начальной истории ислама в Аравии и личности Мухаммеда. И хотя составитель оговаривает, что убрал из книги все вставки, сделанные профессором В.К. Надлером в предыдущее издание «Лекций...», трудно судить, насколько изменили составители первоначальный текст. Что же касается истории ислама, то в «Лекциях...» содержится материал и об истории Омаядского Халифата, хотя «Очерк» 1868 г. о Мухаммеде ограничивается 632 годом и краткой историей правления первых двух халифов (Абу Бекра и Омара). Кроме того, издание «Лекций...» насыщено большим количеством изданий, главным образом, немецких, которые были опубликованы гораздо позже 1868 г. и, таким образом, были недоступны Петрову при составлении первого по времени текста «Очерков...». Поэтому мы ограничимся только текстом очерка профессора о Мухаммеде по прижизненному изданию 1868 г.

Ценность этого издания еще и в том, что это первое исследование об истории ислама и жизни Мухаммеда, написанное отечественным исследователем [1]. До этого российскому читателю был доступен только перевод П. Киреевским книги В. Ирвинга «Жизнь Магомета» [3]. Мы уже задавались вопросом, можно ли считать М.Н. Петрова историком-ориенталистом, исследователем средневекового Востока [1]. Думается, что нет, поскольку в основе очерка лежат материалы, почерпнутые историком из зарубежных изданий, в первую очередь из книги «Жизнь и учение Мухаммеда» немецкого историка А. Шпренгера [9], и, в меньшей мере, исследования французского историка Э. Ренана «Этюды из истории религии» [8].

Выбор книг этих европейских авторов в качестве пособия для составления «Очерка...» о Мухаммеде сам Петров объясняет двумя причинами. Первая. Недавним «началом (только с 40-х гг. XIX в.) научной разработки истории Мухаммеда» [6. С. 111]. Вторая. Исследования этих двух европейских авторов истории раннего ислама, по мнению автора «Очерка», являются «лучшими» в своем роде [6. С. 113]. Немаловажно и то обстоятельство, что подходы европейских авторов к истории ислама и оценки личности пророка принципиально несхожи, что давало самому автору «Очерка...» возможность выбора «собственной» точки зрения.

Сравнивая эти подходы и оценки, Петров отмечает, что для Ренана Мухаммед был только «даровитым человеком», ставшим пророком благодаря «плоду совокупного действия времени, местных условий и обстоятельств» [6. С. 114]. Для Шпренгера ислам «как новая религия возник из духа и потребностей времени» [6. С. 114], и личность Мухаммеда не была исключительной. Объясняется это тем, что Шпренгер понимал эту историческую личность как «прикладную» фигуру, поскольку уже существовали объективные обстоятельства для возникновения ислама: «дух» и «потребности времени».

Харьковский историк очень высоко оценивает исследование своего немецкого коллеги, определяя «Жизнь и учение Мухаммеда» как первую «классическую работу по начальной истории ислама, классической в том смысле, что доныне никто еще не овладел так мастерски материалом и не подчинил его такой смелой и твердой критике, как Шпренгер» [6. С. 118]. По мнению Петрова, Шпренгеру удалось «подорвать авторитет догматической биографии

пророка» [6. С. 118] и создать «критическую биографию Мохаммеда» [6. С. 119]. Особое значение для автора очерка имеет то, что немецкий исследователь активно использовал текст Корана, включив в свой труд, «около двух третей» его содержания, «назначая каждому отрывку, принадлежащее ему место в истории и объясняя его происхождение» [6. С. 118].

В то же время Петров находит и серьезный недостаток в исследовании Шпренгера. Он заключается в том, что тот «недостаточно ярко выявил и оценил влияние местной природы на развитие монотеизма, составляющего, как известно, основу и сущность этой религии» [6. С. 120].

Единственно, что в этом смысле было сделано Шпренгером, по мнению автора «Очерка», это указание на «целебное значение пустынного воздуха, вливающего в грудь человека необыкновенную энергию» [6. С. 118].

Результаты исследования. Несмотря на «компилятивность» российским исследователем выводов немецкого и британских историков, ему удалось в ряде случаев сделать совершенно самостоятельные обобщения, особенно о тесной зависимости общественной и политической сферы от природно-климатических характеристик Аравии.

Сам же Петров довольно пространно рассуждает о природных факторах, определивших монотеизм ислама. «Грубому человеку, поставленному даже в самые благоприятные условия, нет возможности избежать суеверия. Его младенческую душу смущает и тревожит всё для него непонятное... Мираж, самум, зной или гроза – “это всё” злые, враждебные силы, духи – властители разных явлений природы» [6. С. 134]. Решающее значение среди природных факторов сам автор «Очерка» придает «ландшафту природы», который, по его мысли, «имеет могущественное значение» [6. С. 120]. Именно ландшафт пустыни порождает в душе человека «особое чувство», которое Петров определяет «как ту нежную и тайную струну, которую мы называем религиозным инстинктом, религиозным чутьем» [6. С. 121]. Единство «горизонта» и «небесного купола с миллионами звезд» – вот то единство природы, которое создает, по мнению Петрова, «поражающее» человека чувство, и «развернувшееся перед ним громадное “всё” и врожденная нам потребность поклонения порождают в душе араба “хоть смутно” ощущение “единого Бога”» [6. С. 121]. И как бы подводя итог, российский историк заключает «пустыня с ее необозримым впечатлением единства и ценности мироздания, с незапамятных времен научила семита призывать и поклоняться единому Богу» [6. С. 122].

Этот ярко выраженный «географический детерминизм» Петрова, который является его собственным вкладом в понимание истории раннего ислама, позволяет ему «выйти» за пределы той «схемы», которая была обозначена в работе Шпренгера. Такого рода акцент на географических обстоятельствах был свойствен взглядам и других российских историков. Зачастую это явление («географический детерминизм») рассматривалось в контексте гегелевской философии истории, которая, пожалуй, была ведущей в системе исторического мировоззрения российских историков в начальный («героический период») истории российской науки. Но в текстах работ того же Петрова в 60-е гг. XIX в. неоднократно упоминается и «История цивилизаций» Генри Томаса Бокля, который также высоко оценивал влияние местных природных факторов на «суеверные чувства» народов. Например, во втором томе «Истории цивилизации в Англии», он определяет Испанию «вообще нездоровой страной» (с точки зрения климата. – *Авт.*) [2. С. 4]. И, далее, «если прибавить к этому, что на всем полуострове,

не исключая и Португалии, бывали чрезвычайно бедственные землетрясения и что они возбуждали все эти суеверные чувства, какие обыкновенно вызываются подобными явлениями, то можно составить себе некоторое понятие о небезопасности жизни в этой стране и том, как легко было ловкому и честолюбивому духовенству сделать из этого орудие для расширения своей власти» [2. С. 6]. Мне кажется очевидным полное (или почти) смысловое сходство этого фрагмента из работы Бокля с тем, что о «природных факторах» применительно к Аравии писал Петров.

Обратим внимание на приведенном фрагменте из «Истории цивилизации Англии» на два момента:

1) «О чрезвычайной бедственности землетрясений», делающих жизнь человека в Испании «небезопасной»;

2) о «ловкости честолюбивого духовенства» Испании, использующего «небезопасность» жизни в своих интересах.

Вот такая же логическая связь между «злыми (природными) враждебными силами» и властителями «разных явлений природы» обнаруживается в логических построениях автора «Очерка». Прямым следствием такой связи является формирование такого явления, как «фатализм» (предначертанность, предопределенность. – *Авт.*), который делается коренным догматом огромного большинства мусульман [6. С. 125]. Но этот «фатализм», обусловленный суровостью жизни арабов, был как явление «причиной более глубокой, чем личное убеждение пророка» [6. С. 125]. И здесь мы вправе считать, согласно логике Петрова, что этот самый «фатализм» арабов был использован Мухаммедом как инструмент для утверждения в Аравии исламского мировоззрения. И, задавшись вопросом, как же «простому, малообразованному купцу» [6. С. 152] удалось стать пророком, он заключает, что «природа порождает там (в Аравии. – *Авт.*) мало потребностей и требует немного физического труда. Каждый бедняк, поэтом может сделаться мыслителем и поэтом» [6. С. 152]. Интересно в этом смысле обращение Петрова к книге французского историка Э. Ренана «Этюды из истории религии» [8], в которой одним из главных персонажей является Мухаммед, точнее его «превращение» из «малограмотного купца» в пророка. Автор «Очерка...» приводит размышления Ренана о «вековой неподвижности патриархальной древнеарабской жизни», причиной которой является «бедность духовной организации арабов, да и вообще всех семитов» [6. С. 129].

Тот «недостаток воображения и изобретательности», который, по мнению Ренана, свойствен арабам не был, по мнению Петрова, преодолен даже после «усвоения образованности покоренных народов» [6. С. 129]. И опять-таки вслед за французским историком Петров повторяет, что арабскому миру «совершенно чужда и незнакома идея прогресса» [6. С. 129], которая, наоборот, для «европейской жизни» составляет вечный стимул движения к переменам [6. С. 129]. Аравия, – по мнению Ренана, а затем и Петрова, «по преимуществу, страна идеализма и поэзии» [6. С. 152].

Бокль в своей книге ввел понятие «национальный характер» [2. С. 12]. Для араба же «национальными» являются идея единобожия и фатализм [6. С. 124]. А поскольку ислам как религиозная система «выстраивался», по мнению Петрова, на этих национальных принципах, он был целиком воспринят соплеменниками Мухаммеда. Автор «Очерка» соглашается и с замечанием Шпренгера, что Мухаммеду удалось создать «долговечную религию, удовлетворяющую коренным религиозным инстинктам» арабов только потому, что он опирался на «незыблемую природную почву» [6. С. 125–126].

Очень интересно проследить за попыткой Шпренгера, а вслед за ним и автора «Очерка», «разоблачить» Мухаммеда как пророка, показать его несостоятельность в этом качестве, низвести его до положения политика, сумевшего лишь создать собственное «царство» [6. С. 115]. Поэтому, как пишет Петров, Шпренгер «беспощадно налег» на личные слабости Мухаммеда, «обнаруживая лицемерие, обман, коварство, хитрую расчетливость, грубую чувственность и порою даже холодную жестокость» [6. С. 115]. И, возможно, эта явная агрессия немецкого историка к личности Мухаммеда заставила российского исследователя обратиться к помощи «синтеза методов истории, психологии и естествознания» [5. С. 10] с тем, чтобы создать максимально полную и объективную картину удивительного превращения «полуграмотного курейшитского купца» в пророка. Мнению Шпренгера Петров противопоставляет точку зрения Ренана, полагавшего, что нельзя судить о Мухаммеде «как шарлатане, опираясь на нынешние XIX в. нравственные понятия» [6. С. 157].

Петров начинает излагать историю Аравии с середины V в., когда курейшитам удалось захватить Хиджаз и контроль над общеарабской святыней – храмом Каабы. Тем самым были положены «первые основы... будущего объединения Аравии под религиозной, торговой, а потом и политической гегемонией» этого племени [6. С. 141]. Принадлежность Мухаммеда к курейшитам, ставшим «вождями нации» [6. С. 142], давала ему возможность превратиться в «общенационального пророка» и «общественного преобразователя».

Важную роль в размышлениях историков о «превращении» Мухаммеда в пророка играет версия о его «душевной болезни». Ни у Шпренгера, ни у Петрова она не вызывает сомнений. Автор «Очерка» описывает «эпилептический припадок», охвативший Мухаммеда во время первого уединения на горе Хира («глаза дико вращались», «холодный пот», «телесные судороги» и «физическое изнеможение») [6. С. 153].

Но здесь же Петров упоминает и о полемике ученых на тему болезни Мухаммеда. Шёнлен, Вейль и Шпренгер, по его мнению, – сторонники версии о болезни. А вот Бартеlemi-Сент-Илер, упоминает автор «Очерка», считал, что все выводы Шпренгера строятся на версии о болезни Мухаммеда, которая заставила его принимать «каталептические припадки» за божественные откровения [6. С. 158]. Бартеlemi-Сент-Илер остроумно заметил, что в этом случае «все каталептики считали бы себя пророками» [6. С. 158]. В конечном счете Петров принимает сторону Шпренгера, заявляя, что тот, будучи «разумным историком, увидел в болезни Мухаммеда не более как случайное обстоятельство, давшее повод к появлению ислама» [6. С. 158]. Еще два обстоятельства, по мнению историка, способствовали «осознанию» Мухаммедом себя пророком. Это его «знакомство с пустыней» и «многочисленные торговые путешествия, особенно посещения пограничных сирийских оазисов» [6. С. 148], где он получил познания об иудаизме и христианстве. Российский историк называет их «посторонними источниками» [6. С. 140] и не соглашается с мнением Шпренгера, который кладет их в основу религиозной системы Мухаммеда [6. С. 140]. По мнению Петрова, «самую же идею» ислама «Мухаммед должен был искать в глубоких недрах народного (арабского. – *Авт.*) духа» [6. С. 140], что обеспечило «естественное рождение религии» [6. С. 141]. Последним этапом этого поиска при жизни Мухаммеда стало «заимствование новой верой древних религиозных обычаев страны» [6. С. 197] (милостыня, пилигримство в Мекку, омовение и др.). Толчком к этому заимствованию стало безуспешное обращение Мухаммеда

к правителям соседних стран в 628 г. Тогда, по мнению Петрова, Мухаммед «понял, что ислам может и должен быть только национальной арабской религией» [6. С. 197].

Еще раз напомним, что, приступая к работе над «Очерком» по истории ислама и жизни пророка, историк стремился создать «синтез» трех методов: «истории, психологии и естествознания» [5. С. 10]. «Метод истории» «помог» ему уяснить процесс превращения обычного человека в ключевую фигуру в истории VII в. «Метод естествознания» «помог» определить ключевую роль внешних факторов, в первую очередь природных, в общественной и религиозной жизни Аравии этого времени. Какую же роль сыграл «метод психологии» в исследовании Петрова? Нам кажется, что его роль заключалась в выяснении того, что, по мнению Карлейля, определяет содержание понятия «герой-пророк».

Российский историк неоднократно говорит, что для самих арабов обладавших «прозаическим» [6. С. 143] характером, Мухаммед так и остался обычным человеком «со всеми слабостями, интересами и страстями обыкновенных смертных» [6. С. 143]. И только в воображении персов, добавим, по Боклю, обладавших другим «национальным характером» [2. С. 19], «одаренных блестящей и изобретательной фантазией, вырос он впоследствии до размеров какого-то сверхъестественного существа» [6. С. 143].

Главный «упрек» Петрова к Мухаммеду заключается в утрате им ключевого смысла в понятии «герой-пророк». Карлейль называет это словом «искренность» [4. С. 25], т.е. внутренняя убежденность самого «героя» в своей исключительности.

Петров, вслед за Шпренгером, допускает вариант личной психологической драмы Мухаммеда, прошедшего путь «от беззаветной веры в свое посланничество», которая «в позднейшем мединском периоде его жизни заметно и значительно слабеет, хотя по властолюбию и политическому расчету он всё-таки продолжал разыгрывать вдохновляемого Богом пророка» [6. С. 157]. И далее: «добившись роли всеарабского пророка, он начал приспособлять прежние откровения, составленные в ханифитском духе, приспособляя к своему новому положению “кровожадного деспота и властолюбца”» [6. С. 156]. Превращению Мухаммеда из пророка в политика способствовала и огромная военная добыча мусульман, которая дала Мухаммеду «возможность привлекать к себе всё большее и большее количество приверженцев» [6. С. 199]. О внутренней драме вождя исламской уммы свидетельствует, по мнению Петрова, и то, что он, будучи уже правителем, довольствовался «номинальным принятием ислама, ...наружным признанием его авторитета и силы его религии» [6. С. 199] прежде враждебными ему арабскими племенами.

И все же европейские историки не оставляют мир ислама без «героя». Любимым персонажем Шпренгера становится Умар, обладавший «мощным духом, чуждым личной корысти, непреклонным в своих решениях, имевшим чистые и безукоризненно благородные намерения» [9. С. 370]. Петров дополняет эту оценку Шпренгера, заявляя, что не Мухаммеду, «а сильным мужам, победным Умару, обязан ислам своим победоносным полетом» [6. С. 203].

Выводы. Биографический очерк М.Н. Петрова о пророке Мухаммеде, который неизбежно должен бы быть написан с «опорой» на европейские сочинения и, таким образом, имел бы в себе значительную долю компилятивности, содержит явное стремление российского автора по-своему переосмыслить

значение Мухаммеда в мировой истории. Исследователь впервые включил свой исторический персонаж и тему ислама в исследовательское поле российской науки всеобщей истории.

Литература

1. Ахмадиев Ф.Н. У истоков презентации проблемы возникновения ислама в России: опыт профессора М.Н. Петрова // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XIX века: материалы Междунар. науч.-образ. конф.: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. Т. 2. С. 258–262.
2. Бокль Г. История цивилизаций. Т. 2. История цивилизации в Англии. М.: Мысль, 2008. 510 с.
3. Ирвинг В. Жизнь Магомета / пер. с англ. П. Киреевского. М., 1857. 291 с.
4. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Астраль, 2012. 271 с.
5. Кеда М.К. Михайло Назарович Петров (1826–1887) та його внесок в історичну науку: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2006. С. 10.
6. Петров М.Н. Очерки из всеобщей истории. Мохаммед. Харьков: Унив. тип., 1868. 536 с.
7. Петров М.Н. Лекции по всемирной истории. Т. 2. История средних веков. Ч. 1, 2. 2-е изд., обработ. и доп. проф. Вязигиным А.С. СПб., 1906. 312 с.
8. Ренан Э. Этюды из истории религии. М.: Мысль, 1994. 312 с.
9. Sprenger A. Das leben und die Lehre des Mohammed. М.: Нобель Пресс, 2012. 375 s.

АХМАДИЕВ ФАРИТ НАФИСОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (ahmadiev101@mail.ru).

ВОСТРИКОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (igor-vostrikov@bk.ru).

ШАРАФУТДИНОВ ГЕННАДИЙ РАИСОВИЧ – преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (genesharafut@mail.ru).

Farit N. AHMADIEV, Igor V. VOSTRIKOV, Gennadiy R. SHARAFUTDINOV
MUHAMMAD AS A HISTORICAL FIGURE
IN THE RUSSIAN SCIENCE OF UNIVERSAL HISTORY AT THE
BEGINNING OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY
(on the example of "Essays ..." by M.N. Petrov)

Key words: *history, historiography, essay, Islam, prophet, Muhammad, European orientalism, Carlyle, hero, politics, Caliph.*

Purpose. *To consider the experience of the first in the Russian science of universal history invoking the topic of the Islamic world formation in Arabia at the beginning of the VII century. The article presents the results of studying the classic problem for historical science – the role of personality in history. In our case, the Prophet Muhammad acts as such a character in the context of the "prophet – hero", as he is considered by some European historians in the middle of the XIX century (T. Carlyle, V. Irving). In contrast, in European orientalism, another opinion is formed about the historical role of the Prophet Muhammad. Its essence lies in complete denial of recognizing for this character any significant role in world history. At best, he is recognized for the merit of creating the Arab state built on new Islamic foundations (A. Sprenger). The purpose of our study is to determine the extent of scientific independence in assessment carried out by the domestic researcher M.N. Petrov, given by him to the Prophet Muhammad. This assessment was made by the author in the book "Essays from Universal History", published in 1868, i.e. much later than the mentioned studies of European authors. It is obvious to us that M.N. Petrov, relying, of course, on European orientalism, managed to make a number of completely independent conclusions, most importantly, for the first time to include the character of Muhammad in a number of historical personalities in the Russian science of universal history. This is perhaps the obvious result of our research.*

Materials and methods. The peculiarity in the topic of Islam history for the Russian science of universal history at the beginning of the second half of the XIX century is almost complete absence of domestic developments. This explains why the Russian authors studied actively the experience of European orientalism in the first half – middle of the XIX century, which already had a number of first-class works. In compliance with this, the article actively uses the works of Bokle, Sprenger, Carlyle, etc. as "attracted" material. The research methods are descriptive, comparative-historiographical and biographical ones.

In his "Essay ..." M.N. Petrov refers to the experience of European orientalism, mainly to the work of the German historian Sprenger "The Life and Teachings of Muhammad". But in the "Essay ..." the works of other European historians are also mentioned: Renan, Saint-Hilaire, Weyl and others. At the same time, M.N. Petrov's "Essay..." is not at all a historiographical review of European orientalism on the topic of Islam history.

Scientific novelty. This is the first example of invoking the beginning of Islamic studies in the Russian historical science with the involvement of extensive historiographical material. This is an independent research work, which largely complements and clarifies the opinion of European historians. By "synthesizing the methods of history, psychology and natural science," the Russian historian leads his reader to understand the decisive role of the natural and climatic conditions of Arabia in the formation of a special inner world of the Arabs, the main feature of which is a natural tendency to monotheism and fatalism.

Study results. The results of the study are, in our opinion, that the "Essay ..." by M.N. Petrov, being one of the first studies of the biographical genre in Russian medieval studies of the beginning of the second half of the XIX century, laid the foundation for a very popular method later, which is based on the study of the "biographical" topic in the Russian science of history. This gives the opportunity to create a more complete picture of the Russian historiography history by involving in its circulation "forgotten" and "half-forgotten" works of Russian researchers of the XIX century.

In the center of our attention was one of the historical "Essays" of Kharkov University Professor, Mikhail Nazarovich Petrov (1826-1887). In it, he tells about the beginning of the Islamic world formation in Arabia, the formation of an Islamic community, transformation of Muhammad, an "ordinary Quraysh merchant," into a prophet of the new faith. The author emphasizes that for centuries this figure was regarded as a kind of "supernatural being" and only since the middle of the XIX century through the efforts of European orientalism, Muhammad turns into a real historical person. Turning to the history of the early Islam and the biography of the prophet, the Kharkov historian, in fact, becomes the discoverer of this topic for the Russian reader.

The Russian historian M.N. Petrov managed to make a number of independent generalizations in his biographical "Essay ..." about the personality of Muhammad and "include" the character of the Prophet Muhammad and the history of Islam in the research field of the Russian science of universal history.

Conclusions. Of particular interest is the author's attempt to interpret how an "ordinary Quraysh merchant" managed to go from an ordinary person to a prophet recognized by all the Arabs. In this case, the author touches upon the topic of "hero" and "the heroic in history", which is relevant for European historical science in the middle of the XIX century, posed by the English historian Carlyle, who referred Muhammad to the "prophets-heroes". Petrov, following Sprenger, does not agree with this opinion and consistently pursues the idea of Muhammad's turning from a prophet at the time of Islam establishment into a politician and a ruler who lost his "prophetic sincerity" and became a "bloodthirsty despot" and "power lover", i.e. the idea of Muhammad's evolution into an "antihero".

References

1. Ahmadiev F.N. *U istokov prezentatsii voznikoveniya Islama v Rossii: opyt professora M.N. Petrova* [On the origins of the presentation of the issue of the emergence of Islam in Russia: Professor M.N. Petrov's experience]. In: *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XIX – nachale XX veka: materialy Mezhdunar. nauch.-obraz. konf.* [Proc. of. Int. Sci. Conf. «World History and Historical Science in the 19th century – early 20th century»]. Kazan, 2020, vol. 2, pp. 258–262.
2. Bokl G. *Istoriya civilizatsiy. Istoriya civilizatsiy v Angliyi* [The history of civilizations. The History of civilization in England]. Moscow, Mysl Publ., 2008, vol. 2, 510 p.
3. Irving W. *The Life of Mohammed*. London, 1848. 248 p. (Russ. ed.: *Zhizn' Magometa*. Moscow, 1857, 291 p.).
4. Carlyle Thomas. *On Heroes, Hero-Worship, and the Heroic in History*. London, 1841. 308 p. (Russ. ed.: *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii*. Moscow, Astral' Publ., 2012, 271 p.).

5. Keda M.K. *Mikhailo Nazarovich Petrov (1826–1887) ta iogo vnesok v istorichnu nauku* [Mikhailo Nazarovich Petrov (1826–1887) and his contribution to historical science]. Kiev, 2006, p. 10.
6. Petrov M.N. *Ocherki iz vseobtschei istorii. Mohammed* [Essays on World History. Mohammed]. Kharkov, 1868, 536 p.
7. Petrov M.N. *Lekczii po vsemirnoi istorii. T. 2. Istoriya srednikh vekov* [Lectures on World History. Vol. 2: The history of the Middle Ages]. Parts 1 and 2. St. Petersburg, 1906, 312 p.
8. Renan E. *Etjudy iz istorii religiyi* [Studies from the History of Religion]. Moscow: Mysl, 1994. 312 p.
9. Sprenger A. *Das leben und die Lehre des Mohammed*. Nobel Press, 2012, 375 p.

FARIT N. AHMADIEV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Archaeology and World History, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan (ahmadiev101@mail.ru).

IGOR V. VOSTRIKOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Archaeology and World History, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan (igor-vostrikov@bk.ru).

SHARAFUTDINOV GENNADIY – Lecturer, Department of Foreign Languages in the Sphere of International Relations, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan (genesharafut@mail.ru).

Формат цитирования: Ахмадиев Ф.Н., Востриков И.В., Шарафутдинов Г.Р. Мухаммед как исторический персонаж в российской науке всеобщей истории начала второй половины XIX века (на примере «Очерков...» М.Н. Петрова) // Исторический поиск / Historical Search. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 62–72. DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-2-62-72.